

УДК 316.35

Шульга Т.И., Левицкая В.С.*Московский государственный областной университет***ПЕРЕЖИВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ
РАЗЛИЧНЫМИ ГРУППАМИ ЛЮДЕЙ**

Аннотация: Статья посвящена изучению восприятия социальной напряженности в обществе разными социальными группами. Исследование этой проблемы затруднено тем, что социальная напряженность имеет двойственную природу: объективна, поскольку порождена объективно существующими предпосылками и находит выражение в наблюдаемом поведении, и субъективна, так как опирается на индивидуальную интерпретацию объективных условий. В результате социальная напряженность представляет собой феномен социального сознания и восприятия, в том числе восприятия «обобщенного другого». Результаты изучения трех социальных групп показывают, что 40% респондентов переживают социальную напряженность как актуальное психическое состояние. Наиболее остро это состояние переживают работающие респонденты и в меньшей степени студенты и безработные граждане. Работающие чаще переживают потребность в организации перемен, что способствует снижению социальной напряженности. Наименее остро потребность в переменных переживают безработные. Социальная напряженность переживается и мужчинами, и женщинами. Женщины испытывают потребность в переменных несколько острее мужчин. В группе респондентов, наиболее явно ощущающих социальную напряженность, значительно выражен процент людей, одновременно ориентированных на себя и открытых изменениям, а также людей, ориентированных на других и открытых изменениям, т. е. респонденты, четко ощущающие социальную напряженность, – наиболее открытая для изменений группа в выборке.

Ключевые слова: социальная напряженность, ценности, фрустрации, смысловая сфера, адаптационный синдром, жизненные отношения.

T. Shulga, V. Levyts'ka*Moscow State Regional University***THE WAY VARIOUS GROUPS OF PEOPLE COME
THROUGH SOCIAL TENSION**

Abstract. The article is devoted to the study of the way different social groups come through social tension in the society. The study is complicated by the fact that social tension has dual nature: it is objective, as it is generated by objectively existing premises and finds expression in observable behavior; and it is subjective, as it is based on an individual interpretation of objective conditions. Consequently, social stress is a phenomenon of social consciousness and perception, including the perception of “the generalized other”. The results of studying three social groups show that 40% of respondents experience social tension as a relevant mental state. The respondents who work take it the hardest, while students and the unemployed the least. Those,

who work, are more often in need of changes and it promotes the decrease of social tension. The unemployed have the least necessity of changes. Social tension is experienced both by men and women. Women have a bit greater need of changes than men. Among the respondents, who were most obviously affected by social tension, there was a significant percentage of people, who were both self-centered and open for changes, as well as people who were both oriented on others and open for changes. That means that the respondents, who have distinct feeling of social tension, are the group most open for changes

Key words: values, social tension, frustrations, semantic field, the adaptation syndrome, relations in real life.

Социальная напряженность (СН) изучалась в психологической науке как макросоциальный и микросоциальный феномен в рамках научных школ структурного функционализма (Т. Парсонс, Р. Мертон), конфликтологии (Л. Козер, Ю.В. Платонов, А.И. Желтухин, Ю.Г. Запрудский, Д.А. Шмонин, П.И. Куконков, В.О. Рукавишников, Г.У. Солдатова) [2; 17], концепции «социального стресса» и «адаптационного синдрома» (Дж. Хаймс, В. Дэвис, Х. Кантрил, Ю.М. Плюснин), теории социальных изменений (И.В. Пирогов), психологии смысла (В.И. Митрохин, М.Н. Муханова). [4; 5; 6; 8; 9; 10; 11; 13; 16]. Систематизация накопленных исследователями знаний о сущности социальной напряженности позволяет определить ее как специфическое для человеческой психики отражение неравновесности социального бытия, являющееся условием взаимодействия, взаимообмена социальных и психических форм, опосредованного потребностями, интересами, нормами и ценностями, присутствующими отдельным людям и социальным группам. Результатом данного взаимодействия является репрезентация социальных отношений и процессов в индивидуальной психике, воплощенная в смысловых формах.

Под социальной напряженностью в узком смысле традиционно понима-

ют выраженный на индивидуально-психологическом уровне в психоэмоциональных состояниях, смысловых формах и поведенческих установках результат неприятия тех или иных аспектов социального бытия, длительного и неразрешимого (кажущегося неразрешимым) рассогласования между потребностями, ценностями и социальными интересами некоторой части населения и мерой их неудовлетворения.

В исследованиях российских конфликтологов социальная напряженность рассматривается как феномен, в пространстве которого происходит осуществляемый в идеологических формах процесс осознания и осмысления объективных социальных противоречий и их трансформации в совокупность понятий, отражающих в сознании субъектов конфликта сущность их отношений (П.И. Куконков) [3], либо как особое состояние сознания, восприятия, оценки действительности, присущее вовлеченным в социальный конфликт людям и группам, изменяющее и создающее мотивы общественного поведения (В.О. Рукавишников, Г.У. Солдатова) [14; 15; 16].

И.В. Пирогов [11] трактует социальную напряженность как величину, характеризующую вероятность трансформации социальной системы и за-

действующую в распространении флуктуаций в социальной системе. Социальная напряженность, по его мнению, порождается изменениями в мотивационно-потребностной сфере социальных субъектов и ее фрустрацией. Ю.М. Плюснин [12] рассматривает социальную напряженность как «адаптационный синдром» трансформирующегося социума, в котором актуальный образ социального порядка перестает соответствовать нормативному.

Наконец, В.И. Митрохин [7] понимает социальную напряженность как следствие неравновесности и динамики социальной системы, базисную характеристику общества, неизбежный модус бытия социальной системы, основание ее существования, развития, формирования смыслов.

Теоретическая разработка концепции социальной напряженности, разработка ее диагностических и прогностических инструментов актуальна в современной социальной психологии и для успешного решения этой задачи социальным психологам необходимо изучать развитие феномена социальной напряженности, ее воздействие на образ жизни, мышление, ценности и поведение людей.

Однако изучение социальной напряженности до сих пор сталкивается с двоякого рода методологическими трудностями. Основной из них является разработка и внедрение в социальную психологию адекватного понятийного тезауруса для описания динамических процессов социальной напряженности. Исследователи, изучая социальную напряженность, неизбежно имеют дело с представленными в индивидуальной психике и в сознании групп убеждениях. Второй

проблемой, связанной с изучением социальной напряженности, является творческая переработка социальной психологией теоретических и методологических достижений психологии личности и психологии смысла. Социальная психология рассматривает социальную напряженность как следствие фрустрации. Между тем, на данном этапе накопления знаний о социальной напряженности имеется возможность рассматривать ее как потребляющую и производящую смысл.

Подходы авторов на рассмотрение природы и функции социальной напряженности представлены в следующей таблице.

Таким образом, подходы авторов позволяют сделать вывод о том, что социальная напряженность формируется из базовой витальной напряженности в системе межличностных связей и отношений, опосредованных потребностями, интересами, нормами и ценностями, присущими данным социальным группам [16; 18; 19].

Порождающая и движущая сила социальной напряженности имеет мотивационно-ценностный характер, на бессознательных своих уровнях она связана с коллективными социальными архетипами (справедливости, равенства, власти, свободы, нравственности и т. п.), определяющими ее динамику и направленность [6].

Таким образом, социальная напряженность в своем существовании неразрывно связана с таким феноменом, как смысл. Напряженность порождает смысл, смысл трансформирует напряженность. Смысл как превращенная форма жизненных отношений субъекта [4] и как надделение сигналов информативностью [5], пронизывает и

Таблица 1

Подходы к рассмотрению социальной напряженности

Парадигма	Автор	СН как феномен социального (макроуровень)	СН как феномен психического (микроуровень)
Структурный функционализм	Э. Дюркгейм	Отсутствие в обществе органической солидарности, слабость нормативного регулирования человеческих желаний, распад социальных структур.	Аномия как субъективное переживание бессмысленности бытия, потеря целей и ценностей, утрата чувства включенности в общество.
	Т. Парсонс	Мера отклонения компонентов общества от гомеостатического равновесия социального порядка, признак трансформации социальных структур и нормативно-ценностных систем.	Движущая сила социализации, формирования личностной структуры, мотивационно-ценностных связей. Следствие фрустрации потребностей и ожиданий индивида, ролевых конфликтов различных типов.
	Р. Мертон	Следствие конфликта между составными частями системы ценностей социума: а именно, нормами-целями и институциональными средствами их достижения.	Специфическое состояние сознания, характеризующееся распадом иерархии ценностей и отсутствием значимых идеалов.
Концепция «социального стресса»	Дж. Хаймс, В. Дэвис, Х. Кантрил, Вейсс, Ингленд и Лофтквист (опросник MSQ)	Макросоциальная среда рассматривается как статичная.	Исключительно психологическое состояние, следствие стресса, неадаптированности, нарушения механизмов социализации, депривации, рассогласования между имеющимся и желаемым.
Конфликтология (западная)	Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Болдуинг, Й. Галтунг, Л. Крисберг, Р. Райсиг и др.	Базисная характеристика социума, движущая сила общественного развития, следствие столкновения противоречивых социальных целей и ценностей, феномен, сопровождающий конфликтное противостояние, структурное насилие. Одновременно основа общественной связи.	Феноменологическое проявление, обобщенная характеристика состояния личности, вовлеченной в социальный конфликт. Нередко сопровождается переживанием социальной несправедливости, ущемления законных прав, нелегитимности собственного существования. Зачастую ясно не осознается.
Конфликтология (русская)	Ю.В. Платонов, А.И. Желтухин	СН – уровень конфликтности общества, следствие противоположности интересов социальных групп.	Не рассмотрен. В целом верно то же, что и для западных конфликтологов.
	Ю.Г. Запрудский, Д.А. Шмонин	Характеристика состояния социальных отношений с точки зрения вероятности их перехода в открытый конфликт.	Не рассмотрен. В целом верно то же, что и для западных конфликтологов.
	П.И. Куконков	СН рассматривается как ситуация, в которой формируются предпосылки для перехода противоречий между сторонами в форму конфликта.	Феномен, в пространстве которого происходит осуществляемый в идеологических формах процесс осознания и осмысления объективных социальных противоречий и их трансформации в совокупность понятий, отражающих в сознании субъектов конфликта сущность их отношений. То есть речь идет о процессе переработки внешних реалий в смысловые формы.

Парадигма	Автор	СН как феномен социального (макроуровень)	СН как феномен психического (микроуровень)
	В.О. Рукавишников	Особое состояние общественной жизни, отличающееся обострением противоречий социальных субъектов как объективного, так и субъективного характера, рассогласованием потребностей и ценностей социальных групп и мерой их удовлетворения.	Особое состояние сознания, восприятия, оценки действительности, присущее вовлеченным в социальный конфликт людям и группам, изменяющее и создающее мотивы общественного поведения. Феномен, сопровождающий репрезентацию конфликтных и кризисных феноменов в психике.
И.В. Пирогов		Энтропийная величина, характеризующая вероятность трансформации социальной системы. Механизм распространения флуктуаций в социальной системе.	Следствие фрустрации как разрушения системы удовлетворения потребностей или его предвидения. Осознание и принятие факта фрустрации представляет собой акт индивидуальной интерпретации социальной действительности и своего места в ней, включающий аффективный, когнитивный (в том числе нормативно-ценностный) и конативный компоненты.
Ю.М. Плюсин		«Адаптационный синдром» трансформирующегося социума.	Проявляющееся на индивидуально-психологическом уровне в виде неудовлетворенности рассогласование между идеальным и реальным образом социального порядка. Для изучения доступны порождаемые СН установки, ценностные диспозиции и эмоциональные состояния.
М.Н. Муханова		Следствие дестабилизированной, кризисной социальной ситуации.	Функция отражения в сознании индивидов характеристик дестабилизированной, кризисной ситуации. Для непосредственного изучения доступны результаты воздействия СН на психику: как психофизиологические и эмоциональные состояния, так и смысловые формы.
В.И. Митрохин		Следствие неравновесности и динамики социальной системы, базисная характеристика общества, неизбежный модус бытия социальной системы, основание ее существования, развития, формирования смыслов. В узком смысле – неравновесность стартовых жизненных возможностей людей и социальных групп, социальная несправедливость.	Единственно возможный способ человеческого бытия, залог существования внутреннего мира личности, отличного от внешнего. Движущая сила социализации, самоактуализации, деструктивных форм поведения личности, а также рефлексии, символизации, осмысления себя и другого. В узком смысле – особое психологическое состояние субъектов, для которых характерно неприятие тех или иных обстоятельств неравновесного бытия.

объединяет всю систему деятельности: мотивацию, ориентировку, память, принятие решения и целеполагание, действие и анализ его результатов. Смысл выступает связующим звеном между личностью и социальной действительностью, интегративной основой личности.

Личность невозможна без деятельности, деятельность невозможна без смысла, смысл невозможен без напряженности как следствия неравновесности, осуществляющей деятельность системы (смысл существует лишь тогда, когда существует различие).

Социальная напряженность в узком понимании данного термина возникает в результате длительного и неразрешимого (кажущегося неразрешимым) рассогласования между потребностями, ценностями и социальными интересами некоторой части населения и мерой их неудовлетворения. Она порождена неприятием тех или иных аспектов бытия, ресурсной, статусной и ценностной структуры общества. Борьба, продиктованная социальной напряженностью, ведется не за ресурсы и место в статусной структуре как таковые, а за представления участников о социальном мире, их идеальные социальные ценности [13].

Социальная напряженность имеет двойственную природу: она объективна, поскольку порождена объективно существующими предпосылками и находит выражение в объективно наблюдаемом поведении, и субъективна в той мере, в которой опирается на индивидуальную интерпретацию объективных условий и представляет собой феномен социального сознания и восприятия, в том числе восприятия «обобщенного другого».

Социальная напряженность задействована в процессе трансформации объективных противоречий в феномен сознания социальных субъектов, ее продуктом является репрезентация трансформационных и кризисных процессов общества (а также любых общественных проблем, требующих осознания) в индивидуальной психике. Социальная напряженность есть напряженность осмысления себя и другого (в узком смысле – контрсубъекта напряженности) в сложившейся системе социальных структур и онтологических смыслов.

Цель работы – изучить переживание социальной напряженности разными социальными группами.

Гипотезой исследования являлось предположение, что переживание социальной напряженности через смысловые структуры определяет ценности, уверенность в завтрашнем дне.

В исследовании принимало участие 86 человек в возрасте 20–40 лет г. Москвы и Московской области. Они были разделены на три социальные группы: работающие, безработные, студенты.

Для исследования социальной напряженности и связанных с ней личностных особенностей респондентов были использованы следующие методики: методика диагностики скрытой социальной напряженности Ю.М. Плюснина; методика диагностики уровня социальной фрустрированности Л.И. Вассермана; методика диагностики самооценки психических состояний Г. Айзенка; тест смысловых ориентаций Д.А. Леонтьева; тест ценностных ориентаций Ш. Шварца [1; 4, 5, 12].

Изучение переживания состояния социальной напряженности представлено на рис. 1.

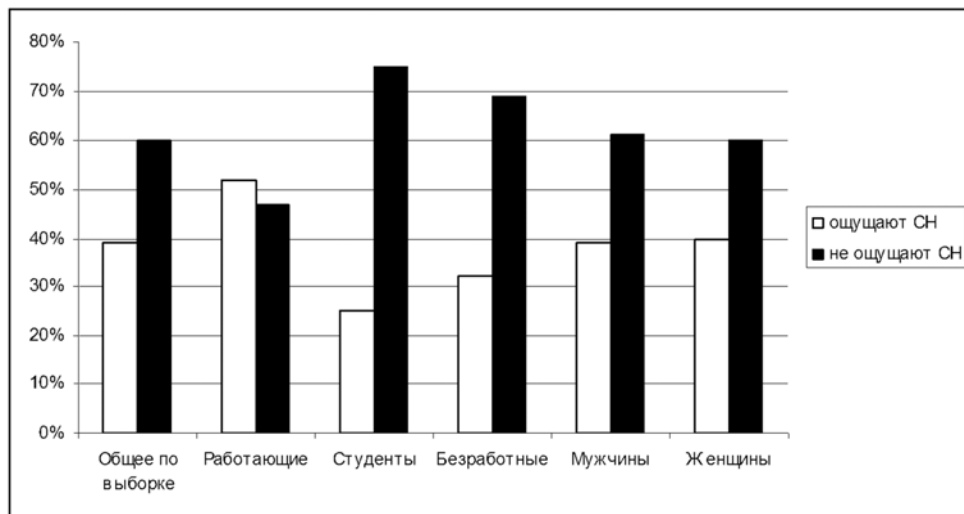

Рис. 1. Переживание состояния социальной напряженности

Результаты, представленные на рисунке, показывают, что 40% респондентов переживают социальную напряженность как актуальное психическое состояние. Наиболее остро переживают СН работающие респонденты – 52%, среди студентов их 25% и безработных 32%. Социальная напряженность переживается мужчинами и женщинами в равной мере.

Наиболее острое переживание СН в группе работающих позволяет считать, что она определяется неуверенностью в постоянстве работы. Выраженность данного показателя в группе безработных позволяет предположить, что безработица в Москве и Московской области носит добровольный, а не вынужденный характер. Согласно ответам опрошенных респондентов, она не воспринимается как социальная катастрофа. При этом взаимоотношения респондентов с соседями и близкими описываются как уровень социальной разобщенности, как одно из проявлений социальной напряженности.

Выявлено, что 40% респондентов испытывают потребность в действиях по изменению социальной действительности. Работающие переживают потребность в организации перемен острее, чем другие группы населения (48%), безработные – наименее остро (32%). Женщины испытывают потребность в переменах несколько острее мужчин (44% женщин против 37% мужчин).

Полученные данные позволяют по-новому взглянуть на декларируемую уверенность респондентов в собственных силах и их эмоциональную устойчивость. Появляются основания говорить о том, что они проявляются не благодаря уверенности в завтрашнем дне, а вопреки ощущению отсутствия будущего.

Интегральная удовлетворенность социальными достижениями оценивается как удовлетворительная (53% респондентов) и высокая (40% респондентов). Социальная фрустрация принимает высокие значения лишь у 7% респондентов.

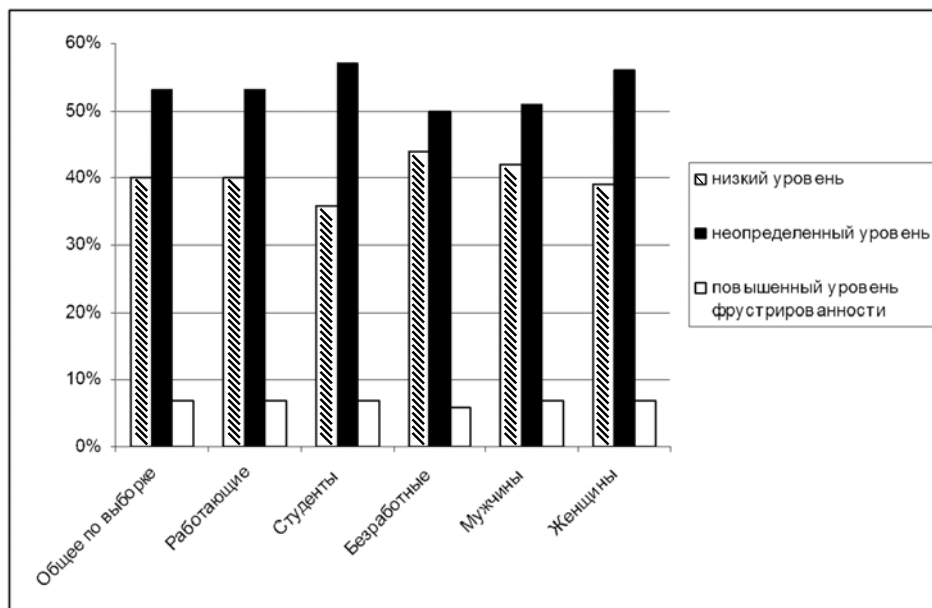

Рис. 2. Уровень социальной фрустрированности

У безработных выявлен преимущественно добровольный характер безработицы (своего рода «дауншифтинг»; проявление ретритизма как варианта аномии). Возможно также, что безработные региона активно ищут именно устраивающую их по всем параметрам работу (а не какую-нибудь, лишь бы она была) и по своим личностным особенностям во многом приближаются к студентам. Значимых различий между группами респондентов по критерию удовлетворенности социальными достижениями нет.

Выборочный анализ удовлетворенности социальными достижениями в макросоциальных сферах (обстановка в обществе, положение в обществе, материальное положение, работа социальных институтов) несколько меняет общую картину – высокий уровень удовлетворенности социальными достижениями демонстрируют 31% опрошенных, удовлетворительный – 51%

и неудовлетворительный – 17%, что в два раза выше, чем в предыдущем случае. Зависимость психического состояния респондентов от потребности в действиях по изменению социальной действительности имеет сходную динамику: рост потребности в переменах сопровождается ростом фрустрации, тревожности и ригидности респондентов.

Наиболее характерной интегральной ценностной ориентацией для данной выборки является сочетание ориентации на собственное благополучие и консерватизм (38% общей выборки). Второй из выраженных ценностных ориентаций выступает сочетание ориентации на собственное благополучие с открытостью изменениям (20% общей выборки). На третьем месте – сочетание ориентации на благополучие других (сообщества) и консерватизм (18% общей выборки).

Работающие респонденты чаще других описывают себя как ориентирован-

ных на благополучие других (41% данной группы). И, напротив, среди них меньше всего консервативных индивидуалистов (всего 28%). Работающие респонденты (ориентированные как на себя, так и на других) чаще открыты изменениям (31%). Среди работающих респондентов сравнительно часто встречается сочетание ориентации на благополучие других с открытостью изменениям (13%), в других социальных группах почти не наблюдаемое.

Среди студентов в сравнении с другими социальными группами больше всего респондентов, одновременно ориентированных на себя и открытых изменениям (24%). С другой стороны, ориентированных на себя консерваторов среди студентов больше (44%).

Более половины безработных сочетают ориентацию на собственное благополучие и консерватизм (53%). Группа безработных сравнительно с другими социальными группами имеет самый большой процент консерваторов в своих рядах (67%).

Мужчины сравнительно с женщинами чаще демонстрируют открытость изменениям. У мужчин по сравнению с женщинами менее четко выражена ориентация по шкале индивидуализм-коллективизм (меньше однозначно трактуемых результатов).

Результаты исследования показывают, что больше всего респонденты ценят личностную зрелость, что, возможно, до определенной степени выступает компенсаторным механизмом («ну и что, что все вокруг плохо, зато я зрелый и духовный, а это в жизни главное»). Также высоко значимыми ценностями выступают конфликтующие друг с другом стремления к самоопределению (самостоятельности)

и безопасности. Достаточно ценными представляются наслаждения и достижения. Недостаточно значимыми ценностями – социальная власть и поддержка традиций. Можно сделать вывод, что консерватизм москвичей и жителей области обусловливается в основном потребностью в безопасности.

В группе респондентов, четко ощущающих СН, значительно выражен процент людей, одновременно ориентированных на себя и открытых изменениям (31%), а также людей, ориентированных на других и открытых изменениям (23%). Данная ценностная ориентация встречается только в этой группе. Респонденты, четко ощущающие СН – наиболее открытая изменениям группа в выборке (54% опрошенных от общего числа группы).

В группе респондентов, воспринимающих СН как некое смутное переживание, особенно велика доля конфликтных ценностных ориентаций, когда направленность оказывается менее выраженной.

Среди людей, недостаточно четко ощущающих СН, встречается сочетание ориентации на других и консерватизм (25%). В других группах данная ценностная ориентация не встречается.

Наконец, в группе, совершенно не ощущающей СН, доминирует ценностная ориентация, сочетающая индивидуализм и консерватизм (69%).

Таким образом, открытость изменениям понижается, а тенденция к консерватизму повышается по мере угасания социальной напряженности.

Полученные в ходе исследования данные позволяют нам объяснить природу и особенности социальной напряженности в современном российском обществе.

В соответствии с самоотчетом респондентов, менее половины выборки испытывает негативные переживания, связанные с социальной напряженностью. Эти переживания с трудом поддаются вербализации и четкому осознанию: лишь небольшой процент респондентов способен однозначно определить их и назвать их причины. Большая же часть респондентов переживает социальную напряженность как смутное, не поддающееся описанию чувство, подобное висцеральной боли.

Социальная группа работающих достоверно чаще ощущают социальную напряженность в сравнении со студентами ($p=0,007$). Сравнение работающих респондентов с безработными дает основание предполагать, что работающие в Москве и Московской области уязвимее к социальной напряженности, чем безработные.

Основной причиной социальной напряженности в исследованной выборке является отсутствие стабильного прогнозируемого будущего и, возможно, будущего вообще. Это объясняется тем, что 50% опрошенных оценивает будущее России как катастрофическое. Менее половины респондентов затрудняется с прогнозированием исхода проводимых в России реформ, и лишь небольшой процент опрошенных уверен в благополучном будущем страны. Такого рода картины будущего при высокой либо находящейся в границах нормы удовлетворенности актуальными социальными достижениями порождают фрустрацию у человека системы потребностей в будущем и, таким образом, поддерживают и воспроизводят социальную напряженность.

Отсутствие картины будущего угрожает искажением и размыванием системы деятельности людей. Так, обнаружены статистически достоверные корреляции уверенности в катастрофическом будущем России со снижением ценности достижений ($p=0,015$), конформизма ($p=0,002$), равенства ($p=0,003$), т. е. можно говорить о тенденции к утрате доверия к социуму с одновременным свертыванием деятельности. Следовательно, ради поддержания и функционирования системы деятельности мобилизуются защитные механизмы психики (главным образом, вытеснение и отрицание). Вероятно, именно их вмешательством следует объяснять достаточно высокие оценки респондентами своего эмоционального состояния, уверенности в собственных силах, а также эмоционального состояния окружающих. Так, состояние окружающих как стрессовое оценивает половина опрошенных. Психоэмоциональное состояние самих респондентов находится в границах нормы, они воспринимают свою жизнь как осмысленную, сохраняя способность связывать прошлое с будущим. Тем не менее половина респондентов не испытывает удовольствия от проживания самого процесса жизни «здесь-и-сейчас», перенося смыслы своей деятельности либо в прошлое, либо в будущее. Возможно, это тоже своего рода «анестезия», направленная на защиту системы деятельности от травмирующего контакта с реальностью, искусственное замыкание смыслов деятельности самих на себя.

Менее половины опрошенных респондентов испытывают потребность в действиях, направленных на изменение социальной действительности.

Однако готовность респондентов к активному протесту охватывает только четверть выборки, при этом чуть больше четверти опрошенных имеют опыт участия в акциях протеста.

Основной причиной пассивности опрошенных на когнитивном уровне является убежденность в том, что протестные действия бессмысленны, что таким способом ничего нельзя решить. Соответственно, социальная напряженность большинства респондентов никак не снимается в действии, продолжая накапливаться в своих латентных формах (табл. 2).

Переживание респондентами социальной напряженности статистически достоверно связывается с их повышенной фрустрированностью, как на психоэмоциональном, так и на когнитивном уровне; повышенной тревожностью и общим негативным эмоциональным фоном; устойчивым восприятием состояния окружающих как стрессового, что, вероятно, является разновидностью аттитюда или атрибуции; актуализацией потребности в действиях, направленных на изменение социальной действительности, и ростом готовности к активным

протестным действиям; снижением интегральной осмысленности жизни и всех ее составляющих при повышении ригидности психических процессов.

Выявлено, что меньше всего при этом претерпевает изменения сформированность целей и уверенность в управляемости жизни, т. е. мотивационная составляющая действия сохраняется актуализацией и упрочением связей с родственниками как разновидностью микросоциальных связей.

Многочисленные корреляции позволяют выделить устойчивую модель восприятия реальности, связанную с социальной напряженностью. Помимо негативного психоэмоционального фона и «выпадения» респондентов из восприятия «здесь-и-сейчас» в качестве защитной реакции, она характеризуется аномическими тенденциями при повышенной устойчивости оставшихся смысловых связей и паттернов поведения (ригидность), а также ростом готовности к действиям по изменению фрустрирующей ситуации при угасании уверенности в собственных силах, тенденции к формированию выученной беспомощности (табл. 3).

Таблица 2

Ощущение социальной напряженности разными социальными группами

Параметр	Группа	Ср. значение	t-критерий	Значимость
Ощущение СН	Работающие	2,67	2,759	0,007
	Студенты	2,07		
Готовность к участию в протесте	Мужчины	2,83	1,756	0,083
	Женщины	2,33		
Тревожность	Мужчины	8,22	-2,015	0,047
	Женщины	10,02		
Фрустрация	Мужчины	7,41	-1,702	0,093
	Женщины	8,91		

Таблица 3

**Взаимосвязь групп, переживающих социальную напряженность,
со смысловой сферой**

Параметр	Группа	Ср. значение	t-критерий	Значимость
Самооценка эмоционального состояния	Ощущающ. СН	6,285	-2,769	0,007
	Не ощущ. СН	7,079		
Оценка эмоционального состояния окружающих как стрессового	Ощущающ. СН	1,90	5,529	0,001
	Не ощущ. СН	1,34		
Оценка помощи близких	Ощущающ. СН	1,74	4,974	0,001
	Не ощущ. СН	1,17		
Потребность в переменах	Ощущающ. СН	2,91	4,391	0,001
	Не ощущ. СН	2,08		
Опыт участия в акциях протеста	Ощущающ. СН	1,50	2,432	0,017
	Не ощущ. СН	1,25		
Социальная фрустрация	Ощущающ. СН	1,76	4,189	0,001
	Не ощущ. СН	1,24		
Тревожность	Ощущающ. СН	10,59	2,621	0,010
	Не ощущ. СН	8,23		
Психэмоц. фрустрация	Ощущающ. СН	11,00	6,090	0,001
	Не ощущ. СН	6,37		
Ригидность	Ощущающ. СН	12,56	3,891	0,001
	Не ощущ. СН	9,50		
Цели в жизни	Ощущающ. СН	29,38	-2,122	0,037
	Не ощущ. СН	31,87		
Процесс жизни	Ощущающ. СН	27,15	-3,645	0,001
	Не ощущ. СН	31,13		
Результат жизни	Ощущающ. СН	22,62	-3,459	0,001
	Не ощущ. СН	25,77		
Я – хозяин жизни	Ощущающ. СН	19,12	-3,693	0,001
	Не ощущ. СН	21,67		
Управляемость жизни	Ощущающ. СН	29,41	-2,118	0,037
	Не ощущ. СН	31,67		
Интегральная осмысленность жизни	Ощущающ. СН	127,68	-3,472	0,001
	Не ощущ. СН	142,12		

Потребность в действиях по изменению социальной действительности, в свою очередь, устойчиво связана с актуализацией переживания социальной напряженности ($p=0,001$), негативным психоэмоциональным фоном ($p=0,031$), тревожностью ($p=0,046$);

устойчивым восприятием состояния окружающих как стрессового, что, вероятно, является разновидностью аттитюда или атрибуции ($p=0,007$); опытом участия в акциях протеста ($p=0,007$); уверенностью в катастрофическом будущем России ($p=0,027$); фру-

стрированностью в макросоциальной сфере ($p=0,003$); психоэмоциональным переживанием фрустрации ($p=0,006$); ригидностью (не заметно при сравнении средних, заметно при вычислении корреляций, $p=0,014$); снижением удовольствия от проживания процесса жизни и уверенности в собственных силах ($p=0,021$). Протестная готовность взаимосвязана с потребностью в переменах и актуализацией связей с соседями как разновидности микросоциальных связей. Значимых корреляций по осмысленности жизни между группами, характеризующимися протестной готовностью и ее отсутствием, не выявлено.

Таким образом, ввиду высокой корреляции между самими факторами социальной напряженности и потребности в переменах (70% респондентов, испытывающих СН, ощущают и потребность в переменах), можно сделать следующие выводы.

1. Социальная напряженность возникает как реакция на социальную фрустрацию. Данная реакция обязательно задействует психоэмоциональную сферу (тревожность, общий негативный эмоциональный фон, падение уверенности в собственных силах, защитная «анестезия» в виде прерывания связи с собой «здесь-и-сейчас»), однако ее воздействие на смыслы деятельности может оказаться в разной степени разрушительным.

2. При значительной деструкции смысловой сферы социальная напряженность, вероятно, проявляется в аномии и апатии. При сохранности смысловой сферы социальная напряженность проявляется в актуализации потребности в действенных переменах и протестной активности.

Обращает на себя внимание совпадение ценностной ориентации, доминирующей в социальном окружении (50% респондентов) и ценностной ориентации, характерной для отвергаемого социального мира (43% респондентов). Этим общим мировоззрением является сочетание ориентации на собственное благополучие с консерватизмом.

Проанализировав статистически расхождения между сформировавшимся у респондентов образом собственной ценностной структуры, социального окружения и отвергаемого социального мира, мы обнаружили следующую закономерность. У респондентов присутствует достоверная тенденция к обесценению и обезличиванию социального окружения при отсутствии четко противопоставленной внешнему миру собственной системы ценностей. Что касается образа отвергаемого социального мира, то респонденты в большинстве своем выступают «за все хорошее против всего плохого» при отсутствии сколь бы то ни было реалистичных моделей отвергаемого мироустройства.

С одной стороны, респонденты явно противопоставляют ценности самоопределения (самостоятельности), нового опыта, равенства, доброты и личностной зрелости негативной ценности социальной власти (реальное социальное окружение занимает в этом смысле промежуточное положение между собственной позитивной моделью и моделью отвергаемого мира).

С другой стороны, респонденты сами с легкостью жертвуют самостоятельностью и возможностью получения нового опыта ради безопасности (как личной, так и общественной) и, констатируя «порочность» наслажде-

ния и достижения, не противопоставляют им последовательно альтернативные ценности равенства и доброты. Высоко оцениваемая респондентами личностная зрелость в данных условиях приобретает эскапистский характер, так как не проявляется в социальном действии.

Выяснено, что ценностная система респондентов в большинстве случаев оказывается организованной *точно так же*, как и отвергаемая ими модель мира. Негативно оценивая ценностную модель «эгоизм-консерватизм», большинство респондентов не могут в действительности противопоставить ей *никакую другую*, не могут организовать собственную деятельность *никак иначе* и, будучи честны с собой, должны негативно оценивать и собственную систему деятельности. Последнего не происходит в явном виде вследствие подключения защитных механизмов психики, но в целом мы имеем дело с достоверным описанием массовой аномии.

Данное описание является релевантным для всех изучаемых социальных групп, вне зависимости от того, испытывают ли респонденты социальную напряженность или нет.

Корреляционный анализ полученных данных позволяет с достоверностью $p=0,01$ разделить ценностную структуру респондентов и соответствующий ей образ социального мира на две противоположных и противоположающихся направленности. Ценности в этих ориентациях сгруппированы вокруг открытости изменениям и консерватизма.

Устойчиво связаны между собой трансформационные ценности: самоопределение (самостоятельность) и

потребность в новом опыте, а также ценность наслаждения (гедонизм). Значимость данных ценностей в ценностной структуре респондента соответствует восприятию социального окружения как ориентированного на безопасность, социальную власть и гедонизм, а также неприятию ценности традиций. Выявлена устойчивая связь консервативных ценностей: безопасность, конформизм, поддержка традиций. К этому блоку отчасти примыкает и социальная власть (авторитет). Значимость данных ценностей в ценностной структуре респондента соответствует менее дифференцированному восприятию социального окружения (бессистемные положительные корреляции всего со всем в образе социального окружения). Для таких респондентов характерно неприятие самоопределения (самостоятельности), гедонизма, нового опыта, равенства и личностной зрелости как ценностных основ социального мира. Данный блок в целом соответствует блоку «консерватизм».

Таким образом, мы можем сделать вывод, что рост социальной напряженности взаимосвязан с утратой идентификации с социальным окружением. При сформированности ценностной позиции самого респондента, низкой ценности авторитета (властей и традиций) и конформного поведения в его ценностной структуре, его уверенности в управляемости жизни и тенденции к агрессивному реагированию возрастает вероятность активности по изменению существующих условий. Данная активность характеризуется обесцениванием оснований существующей реальности и изменением направленности ценностной

ориентации респондента с консерватизма (безопасности) на открытость изменениям. Полученные результаты позволяют сделать выводы.

1. Теоретический анализ исследований показывает, что до настоящего времени социальная напряженность изучается с двух точек зрения: социологической и психологической. В последнее десятилетие предпринят ряд попыток описания социальной напряженности как взаимной трансформации социального и психического, т.е. как феномена, организующего личность как систему потенциальных и актуальных отношений с внешним миром.

2. Под социальной напряженностью в широком смысле следует понимать специфическое для человеческой психики отражение неравновесности социального бытия, являющееся условием взаимодействия, взаимобмена социальных и психических форм, опосредованного потребностями, интересами, нормами и ценностями, присущими отдельным людям и социальным группам.

Под социальной напряженностью в узком смысле понимают выраженный на индивидуально-психологическом уровне в психоэмоциональных состояниях, смысловых формах и поведенческих установках результат неприятия тех или иных аспектов социального бытия, длительного и неразрешимого рассогласования между потребностями, ценностями и социальными интересами некоторой части населения и мерой их неудовлетворения.

3. Основной причиной социальной напряженности в регионе является отсутствие стабильного прогнозируемого будущего, убежденность в не-

избежности грядущей катастрофы всей общественной системы, что при высокой актуальной удовлетворенности социальными достижениями порождает угрозу фрустрации всей системы потребностей опрошенных респондентов. Наибольшее неудовлетворение социальные сферы связано с макросоциальной обстановкой.

4. Общую уверенность в катастрофичности будущего дополняет характерная для исследованной выборки аномия, выражающаяся в неспособности противопоставить отвергаемым образцам социального действия (сочетанию индивидуализма и консерватизма при доминирующих ценностях власти и наслаждения).

5. Полученные данные позволяют говорить об устойчивой модели восприятия реальности, связанной с социальной напряженностью. Помимо негативного психоэмоционального фона, тревожности и прерывания связи с собой «здесь-и-сейчас» в качестве защитной реакции, социальная напряженность сопровождается аномическими тенденциями при повышенной устойчивости оставшихся смысловых связей и паттернов поведения (ригидность), ростом готовности к действиям по изменению фрустрирующей ситуации при угасании уверенности в собственных силах, тенденции к формированию выученной беспомощности. Для респондентов, переживающих социальную напряженность, характерна устойчивая оценка состояния окружающих как стрессового, что, вероятно, является разновидностью аттитюда или атрибуции, характерна также актуализация микросоциальных связей при одновременной утрате идентификации с макросоциумом.

6. Дальнейшее развитие смысловой сферы переживающих социальную напряженность респондентов и выбор ими той или иной модели поведения зависит от сохранности их ценностно-смысловой сферы и уверенности в оправданности собственных усилий. При значительной деструкции смысловой сферы и снижении веры в собственные силы социальная напряженность проявляется в аномии и апатии, фрустрация потребностей не компенсируется в связи с отказом от действий.

При сформированности ценностной позиции респондента, сохранности интегральной осмысленности жизни, мотивационных предпосылок действия социальная напряженность проявляется в актуализации потребности в действенных переменных и протестной активности. Данная активность характеризуется обесцениванием оснований существующей реальности, отказом от конформизма и власти социального авторитета, развитием собственных мировоззренческих оснований и трансформацией направленности ценностной ориентации респондента с консерватизма на открытость изменениям. При этом интегральный уровень осмысленности жизни респондентов положительно связан с их открытостью новому опыту. Даже при актуализации данной (более позитивной) модели социальная напряженность продолжает восприниматься как болезненное, травмирующее переживание.

Описанные тенденции являются релевантными для всей исследованной совокупности вне зависимости от разделения ее на группы по полу и социальному положению. Вместе с тем

следует отметить, что работающие респонденты достоверно чаще переживают социальную напряженность, чем безработные или студенты. Можно предположить, что это связано с более богатым жизненным опытом работающих респондентов и повышенной сложностью среды, в которой протекает их деятельность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Бербин М.А. Методика для психологической диагностики уровня социальной фрустрированности и ее практическое применение. – СПб., 2004. – 28 с.
2. Желтухин А.И. Социологическая концепция конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 4. – 140–144.
3. Куконков П.И. Социальная напряженность и конфликты в сфере общего образования. Дисс. ...канд. соц. наук. – Нижний Новгород, 1996. – 204 с.
4. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – М., 1992. – 16 с.
5. Логинова И.О. Особенности устойчивости жизненного мира человека в кризисных условиях жизнедеятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2011. № 2. – С. 21–26.
6. Луман Н. Общество общества: Общество как социальная система. – М., 2011 – 640 с.
7. Митрохин В.И. Сущность и критерии социальной напряженности. – М., 2000. – 160 с.
8. Муханова М.Н. Социальная напряженность в Калмыцкой АССР // Социологические исследования – 1991. – № 7. – С. 100–102.
9. Муханова М.Н. Социальная напряженность: региональный аспект: автореф. дисс. ...канд. соц. наук. – М., 1995. – 13 с.
10. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2000. – 880 с.

11. Пирогов И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения // Дисс. ...канд. соц. наук. – Иваново, 2002. – 177 с.
12. Плюснин Ю.М. Концепция скрытой социальной напряженности. [электронный ресурс]. URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/?html=chc.htm&id=880>
13. Ромм М.В. Философия и психология адаптивных процессов. – М., 2006. – 296 с.
14. Рукавишников В.О. Социальная динамика и политический конфликт в России: весна 1993 года – адаптация к кризису // Социологические исследования. – 1993. – № 9. – С. 28–42.
15. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998. – 389 с.
16. Солдатова Г.У. Социально-психологические аспекты межэтнической напряженности // Духовная культура и этническое самосознание. – 1991. – Вып. 2. – С. 178–199.
17. Шмонин Д.А. Методологические предпосылки оценки социальной напряженности в сфере социально-трудовых отношений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psb.ru/samara/univer.html>. (дата обращения: 15.12.2013)
18. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35–32.
19. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово, 2000. – 203 с.